

Сегодня «Клуб воскресных встреч» знакомит читателей с оперным певцом Анатолием Кочергой. Он — солист Киевского театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Недавно молодой актер был гостем нашей редакции.

РАЗГОВОР С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

«ОПЕРА—МОЯ СТИХИЯ...»

И РАНЬШЕ были роли. В той или иной мере успешные. Но о Мефистофеле в новой постановке «Фауста» заговорили все. «Героем премьеры» — отмечалось в одной из рецензий в прессе, — стал талантливый певец, заслуженный артист УССР Анатолий Кочерга. Его красивый, богатый тембровыми оттенками бас, умение владеть им — наилучшим образом характеризуют молодого артиста. Сценическое поведение его — лаконичное и выразительное — производит очень хорошее впечатление.

Режиссер — постановщик народная артистка УССР Ирина Молостова удачно использовала артистические способности А. Кочерги, предоставив ему «право» руководить событиями не только по сюжету, но и сменами декораций и эпизодов».

— Анатолий Иванович, какую задачу вы ставили перед собой, создавая образ Мефистофеля?

— Мефистофель — антипод Фауста, воплощение худших черт человека. Зло коварно. Оно часто сначала выглядит невинно, едва касается слабых струн и постепенно расслабляет, парализует волю. Ведет по легкой дорожке и заводит в непролазные дебри. Вместе с тем зло противно человеческой природе и потому должно быть побеждено.

Вот разгадка притягательности внешнего рисунка роли и глубинности образа Мефистофеля, создаваемого актером. Он у него оригинальный, чрезвычайно реальный, если можно так сказать о мифологическом существе.

— Когда вы начали петь?

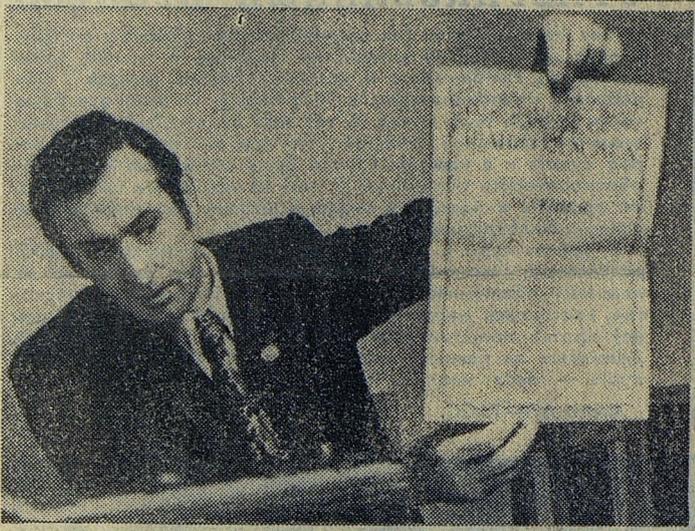
— С седьмого класса. Родом я из Самгородка Казинского района Винницкой области. Потом семья переехала в местечко Погребище. Родители настаивали, чтобы я учился играть на баяне. На 8 Марта выступил вместе с ансамблем девушек и спел «Вчителько, моя» П. Майбороды. С тех пор постоянно участвовал в художественной самодеятельности, в агиткультбригаде от районного Дома культуры.

— Мечтали о карьере певца?

— Нисколько! На пение смотрел, как смотрит крестьянин: удовольствие для души, а не работа.

Отец был директором МТС. Машины — вот что нужно сельскому хозяйству. Решил стать инженером — после школы поступал во Львовский политехнический институт, но не прошел по конкурсу. Вернулся домой. Стал мотористом на электростанции. Любительский кружок не покидал. Районный смотр художественной самодеятельности, затем областной. Жюри настоятельно советовало — в Винницкое музучилище. Колебался долго... Вокального факультета в училище не было, поступил на дирижерско-хоровой. И через два года получил рекомендацию для поступления в Киевскую консерваторию. В 1968 году стал студентом (класс заслуженной артистки УССР Р. Разумовой).

Напевно, сдержанно эмоционально звучит ария короля Филиппа из «Дон Карлоса», а по окончании — шквал аплодисментов, то же после арии Кривоноса из оперы «Богдан Хмельницкий». Это запись из Всесоюзного конкурса вокалистов имени Глинки 1971 года, проводившегося в Вильнюсе. Студент третьего курса А. Кочерга завоевал первое место и еще специальную премию Министерства культуры Литовской ССР как самый молодой и самый талантливый

участник. «Голоса с такой красивой окраской рождаются раз в сто лет», — сказал о нем заместитель председателя жюри П. Лисицян.

Годы насыщены событиями: 1972-й — приглашение в Киевский театр оперы и балета, дебютировал Греминым в «Евгении Онегине», дон Базилио, Нилаканта, Пимен, Старик-каторжанин — ныне сыграно более десятка ролей; поездки за границу — как для знакомства с музыкальным искусством, так и для участия в фестивалях и др. В 1973-м закончил консерваторию. Стал лауреатом двух международных конкурсов — в 1973-м на X Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине, в 1974-м — конкурса имени Чайковского. В 1975-м получил звание заслуженного артиста. Наконец, почти годичная поездка в Ла Скала.

— Почему посылают стажироваться в Италию? Разве наша вокальная школа недостаточно хороша?

— Одна из лучших в мире. Однако стажировка имеет свои особенности. Их учли, когда составляли договор между двумя знаменитыми театрами — Большим СССР и Ла Скала. Итальянцы посылают стажироваться в Москву своих солистов балета, а Советский Союз направляет вокалистов в Италию. На сезон 1975—1976 гг. в Ла Скала нас послали четверых — после отборочного прослушивания в Большом театре. В среднем в неделю у нас было по пять лекций — по вокалу и с концертмейстерами, две — по итальянскому языку.

Но основное — присутствие на репетициях, сдачах, спектаклях. А это самая большая школа. Ведь в Ла Скала приглашаются на сезон или отдельные выступления лучшие певцы мира. В наш заезд здесь пели русская Е. Образцова, болгарин Н. Гяуров, негритянка из США Ш. Веррет, испанцы П. Доминго и М. Кабалле, итальянцы — лучший тенор Л. Паваротти, баритон П. Капуччили и другие. Послушать такой сплав — что-то да значит! А еще удивительная тяга публики к оперному искусству, похвальная разборчивость. Так, на премьере «Гурандот» должна была петь Кабалле, но не вышла из-за болезни почек. Публика недослушала, почему, и подняла шум, не давая возможности начать спектакль. Только через три часа представитель администрации смог в этот шум бросить слова объяснения и объявить фамилию дебютантки-итальянки, которая оказалась хорошей певицей и была награждена под конец бурными аплодисментами. Опера закончилась в половине третьего ночи при заполненном театре, который вмещает 3.600 человек.

— Назовите самых лучших басов, с вашей точки зрения.

— Образцом для меня в творческой жизни является Борис Гмыря. Один из выдающихся певцов. Он был актер тонкий, высокой профессиональной культуры, человек осознанной строгой дисциплины. Я — за дисциплину. Без режима, физзарядки, четкого распорядка дня, прилежности на уроках, репетициях — одного лишь таланта мало. Ныне самый лучший бас современности — Николай Гяуров. Я слушал его не раз в Италии и восемь раз лично встречался с ним. Это много дало для моей работы. В нашей стране называл бы москвича Евгения Нестеренко — как камерного певца, ленинградца Николая Охотникова...

— А в Киеве?

— Мне очень нравится наш театр, в нем много хороших певцов. Позвольте мне не называть их отдельно.

— У вас прекрасно получаются украинские и русские народные песни, романсы. Вы бы хотели совмещать выступления в опере с работой эстрадного певца?

— Ни в коем случае!

— Почему? Вы не любите эстрады?

— Выступления в концерте оперного певца не следует путать с эстрадой. Народная песня с ее широтой, напевностью, глубиной чувств и советская патриотическая — вот на чем я воспитывался и что уберегло меня от увлечения многими музыкальными однодневками. Ныне, когда они распространены благодаря нетребовательности, ой, как трудно устоять подростку, формированием музыкальных вкусов которого никто не руководил. По правильному пути ныне идут в Прибалтике. Тут с детского садика опытные педагоги учат детей понимать и любить музыку на классических образцах, а не на самодеятельных «доступных» песенках.

Конечно, современная эстрада — не только и не столько однодневки. Я не против того, чтобы послушать ту или другую эстрадную песню, развлекательную музыку. Но... недолго. Однообразие ритма, потерявший колорит, ибо пропущен через металл-микрфон, — голос. Это меня утомляет. Мелодизм Чайковского, глубина Рахманинова — вот моя стихия.

— Итак, призвание — опера. Над чем работаете сейчас?

— Приготовил Досифея в «Хованщине». Сколько раз буду выступать, столько же буду шлифовать его, как и все другие роли.

Беседу записала Н. КОШАРА.

НА СНИМКАХ: А. КОЧЕРГА в роли Мефистофеля; во время встречи в редакции.